

Братья Шаршановы

Родители

Братья появились на свет и росли в простой русской семье железнодорожника Александра Прокоповича Шаршанова (1881- 1944).

Мать Федосья Андреевна в девичестве Карпенкова (1884 – 1973) родила девять детей, двое из которых умерло в детстве. Вырастили же двух дочерей и пятерых сыновей. Поскольку переезды были частыми, то места рождения ребят были разными: Павел родился в 1912 году в Ярцеве, Василий и Иван – в Тверицах (ныне Кардымовский район в 1915 и 1917 годах, Михаил в Ярцеве в 1920 году, Петр в Присельской Кардымовский район в 1923). Были ли счастливы в своей семейной жизни Александр Прокопович и Федосья Андреевна? Об этом можно только гадать: о своих личных отношениях они никому не рассказывали. Но из воспоминаний их детей и родственников известно, что счастье в дом Шаршановых заглядывало нередко. Казалась обычная семейная ситуация: муж на службе, жена озабоченная женщина, занимается своими домашними делами и хлопочет у печи или корыта. Но стоило появиться Александру, она менялась на глазах. Делалась красивой, помолодевшей. Даже светилась каким-то внутренним светом. Когда дети слышали материнский смех, знали: рядом отец. Если же муж приходил домой хмурым и молчаливым, Федосья предупреждала: “ Папа расстроен!” И в доме наступала тишина. Все ходили на цыпочках, говорили шепотом. Дети чутко ловили настроение матери. Семейный уклад жизни был скромным. Гвоздем обстановки была супружеская кровать – белой горой возвышающаяся в углу. Не менее почетное место занимал письменный стол Александра. На стене гитара с охотничьим ружьем. В красном углу красовалась икона Божьей матери в серебряном окладе, за стеклом которой хранился венчальный венец хозяйки. Посудный шкаф, стол и табуретки были производства местного кустаря. Жили просто, но как считали соседи, не по-людски. В доме было мало имущества, но много книг. Выписывали журналы и газеты. В квартире до первых петухов горел свет и часто слышался баритон хозяина, напевавшего под собственный аккомпанемент гитары или читавшего стихи русских поэтов (пописывал он и сам). Федосья Андреевна знала в совершенстве все хозяйственные премудрости. Неважно, что она была малограмотной и кроме знакомства с букварем детям ничего дать не могла: они выучились без нее. Не имело значения, что не могла играть на гитаре: все дети играли на струнных инструментах. Дочери и трое сыновней – Иван, Михаил и Петр – были музыкально одаренными. Сама Федосья

кроме колыбельных песен, не пела никаких. Зато дети с трехлетнего возраста пели с отцом в домашнем хоре. И только у двоих были обыкновенными голоса, остальные же при соответствующей подготовке могли стать отменными певцами. Она не писала стихов, но знала уйму поговорок и прибауток, и было подозрение, что многие из них были ее собственного сочинения, сказанные на ходу и тут же забытые. Дети же ее с десятилетнего возраста сочиняли стихи. Федосья Андреевна и Александр Прокопович были совершенно разными людьми. Но было у них немало общего, переданного ими детям. Это – исключительная честность, которой они не изменяли ни при каких обстоятельствах, преданность друг другу да еще доверчивость, над которой часто посмеивались, а иногда и пользовались недобрые люди. Эти качества часто усложняли жизнь семьи Шаршановых. Великое горе свалилось на семью внезапно: Александр Прокопович ушел к молодой женщине. Он долго уговаривал мальчишек переехать к нему в Ярцево, (они жили тогда в Тверицах). Но Павел от имени всех ребят отрезал: “ Нет, мать у нас одна!” С этого времени он стал главой семьи. Поднять на ноги братьев матери помогали родственники. Об отце говорить избегали, словно человек умер. В последующие годы он пытался вернуться в семью, но дети ему не простили. С уходом Александра Прокоповича из семьи детство мальчишек будто оборвалось. Теперь каждому из братьев Шаршановых приходилось свою жизнь строить самому. Крепкие нравственные устои, приобретенные в детстве, помогали выбрать свою дорогу в большую жизнь. Когда дети выросли, родным домом для Федосьи Андреевны стал дом Павла в Ярцеве, по улице Советская 35, где она жила до войны. После возвращения из эвакуации она жила с семьей старшей дочери Екатерины на родине ее мужа в городе Бежица Брянской области. Катерина с ее детьми, радостями и огорчениями, стала смыслом ее жизни. Это ей помогало выжить от страшного горя, выпавшего на ее долю. Федосья Андреевна вела хозяйство, воспитывала внуков. За справедливость, за отзывчивость и спокойный характер ее любили все: и свои, и чужие. Их не отталкивала даже ее прямолинейность в суждениях и взглядах на жизнь. С соседями она жила в добром мире, не сплетничала и не осуждала людей, следуя завету предков: «Не судите да не судимы будете». В 1971 году произошли события, надолго нарушившие душевный покой старушки и членов ее семьи. В связи с появлением в центральной периодике статьей о братьях Шаршановых, на имя Федосьи Андреевны хлынул поток добрых и ласковых писем читателей со всех концов Советского Союза. В этом же году исполком Ярцевского горсовета в целях увековечения памяти о братьях Шаршановых и в знак великой благодарности их матери – Федосьи Андреевне воспитавшей достойных сыновей Советской Родины, а так же идя навстречу пожеланиям ярцевчан, решил переименовать улицу Красную, в центре города, в улицу ее сыновей. Через несколько лет на одном из домов по улице братьев Шаршановых также установлена мемориальная доска (ныне похищенная), объясняющая название улицы. С тихой печалью и грустью восприняла солдатская Мать сообщение из Ярцева, об

этом. Для неё после войны единственным утешением оставался узелок с дорогими вещами, лежавшими на дне чемодана: орденом Отечественной войны 2-ой степени, которым был посмертно награжден Михаил, Павловым бумажником с его личными документами, Петиним ворохом всяких членских билетов, частью фронтовых писем ребят, их фотографиями. Изредка она извлекала все эти драгоценности и, окруженная внуками, рассматривала их, восстанавливая в памяти ту или иную деталь из довоенной жизни. Федосья Андреевна была мудра во всем. На протяжении многих лет именно она цементировала жизнь своей семьи и семей своих детей. Поэтому ее смерть, 4 августа 1973 года, была великим потрясением для всех ее родных и близких. Прощаясь с солдатской Матерью, ее внуки поклялись побывать на местах последних боев братьев Шаршановых и привезти по горсти полынной земли на ее могилу. Эту клятву они сдержали.

Павел

После трехлетней учебы в Яколевской школе крестьянской молодежи, где Павел поражал всех своими сельскохозяйственными знаниями, он работает в Духовщине техником – инвентаризатором. По заданию комсомола одновременно помогает в осуществлении коллективизации, хотя представления о будущем колхозов у него было самое примитивное. Единственным козырем для него был трактор, о котором он никогда не забывал. Павел мечтает только об одном: как получить квартиру и перевезти к себе мать со всеми братьями и обязательно и поступить учиться на рабфак. После окончания инвентаризационных работ в Духовщинском строительном отделе, он добивается перевода в Ярцевский горсовет, на должность техника – инвентаризатора. Сбылась и его мечта – учеба на рабфаке. Но в это время пришла беда. Кто-то написал на Павла клеветническое заявление о сомнительности его происхождения и двурушнической деятельности. Его сразу же освободили с работы, исключили с рабфака, отняли комсомольский билет. Сам он жил в страшном напряжении, не зная, что с ним может быть в каждую минуту. Но что можно было проверять у восемнадцатилетнего парня, вся короткая жизнь которого была у всех на виду. Кто-то упорно тормозил его дело, а может, просто опасался кого-то и чего-то. К счастью, спустя год, правда, восторжествовала: Павла восстановили в Комсомоле и на прежней работе в Ярцевском горсовете, дали квартиру на Советской улице, в доме старой аптеки. Выйдя из этой истории, Павел очень изменился характером, и повзрослел. Стал реже улыбаться, много работать, зарабатывая на жизнь себе, матери и братишкам, которых забрал к себе. С того времени мать, и ее дети стали считать дом Павла своим родным, в котором всегда обеспечены и куском хлеба, и теплом. Не забыл Павел и про учебу: поступил на второй курс рабфака и сидел допоздна за книгами и чертежами. Вскоре он стал начальником бюро инвентаризации при горсовете, самым юным руководителем в Ярцеве. На третьем курсе рабфака Павел женился на скромной, красивой девушке Таисии. После рабфака поехал поступать в институт, в Москву. В институт не попал: не то социальное положение – служащий, да и отметки на экзамене

оказались посредственными. «Не мог совершенно отвечать, словно по моей голове били палками» – досадовал он потом. «Освободившись от учебы, Павел не приобрел свободного времени: на него обрушилось множество общественных поручений и обязанностей. Руководитель и член всякой общественных комиссий, он снова сидел по кочан с чертежами и расчетами. Пришлось ему отбывать и воинскую службу на территориальных сборах. В редкие часы отдыха и когда был расстроенным, из-за чего-нибудь Павел брал ружье и уходил в лес. Лес он всегда любил: ведь его детство прошло в нем, где он с братьями мог целыми днями гонять белок да разыскивать звериные тропы. Что же касалось лесной добычи, то Павел приносил ее редко. Он, оправдываясь, однажды признался, что услышав как-то крик раненого зайца, поклялся никогда на братьев меньших ружья не поднимать. В 1939 году он был призван в армию, в этот же год началась финская война. В ней старший Шаршанов участвовал в должности комиссара прифронтового госпиталя. Эта война, о которой он не любил говорить, оставила в его душе горький осадок. Ведь была она хотя и победной, но очень тяжелой и кровопролитной. Лето 1941 года было тревожным. Все понимали, что война не за горами и потихоньку готовились к ней по-своему. Павел навозил дров, напил и наколот их на целый год, за городом посадил картофель, говоря, что все это матери пригодится. Никто не думал, в том числе и он, что все это в скором времени придется бросить... В день объявления войны Павел побежал в военкомат, не дожидаясь вызова. Уже через пару дней его видели под Ярцевом, где формировались части. В первых числах июля часть Павла получила назначение. Перед отъездом он забежал домой, чтобы отдать последние наставления семье, в которой был главой. Матери напомнил, что самое главное для всех, чтобы она была живой и здоровой. Затем попрощался, и больше его никогда не увидели. На всю жизнь врезалось в память очевидцам этой последней встречи, что форма сидела на Павле как влитая. Войну старшему Шаршанову пришлось начинать в группе К.К. Рокоссовского. На его плечи, как и других офицеров группы, легла огромная ответственность по сплочению вновь прибывающих в группу бойцов в боевой единый коллектив, с которым предстояло остановить гитлеровцев, которые уже в августе мечтали быть в Москве. Но планы врага не сбылись, в этом есть заслуга политрука П.А. Шаршанова, отстаившего вместе с другими воинами Ярцево в июле-сентябре 1941 г. В октябре Павел получил назначение во вновь формирующуюся в Поволжье 10-ю резервную армию. Для боевого сплочения и соединений армии требовались опытные люди. Новым местом его службы стал 1103-й стрелковый полк 328-й стрелковой дивизии полковника П.А. Еремина. Между тем обстановка на фронте, была крайне тревожной. Во второй половине ноября вторая немецкая танковая армия генерал-полковника Г. Гудериана обойдя Тулу, приблизилась к Кашире и Рязани. Боевым крещением для 10-й армии генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова (в дальнейшем полководческих способностей не проявил и был отозван с фронта в марте 1943 г.) стало неожиданное для врага контрнаступление под Москвой 5 декабря 1941 года. 328-я стрелковая дивизия 7 декабря освободила город Михайлов

и развивала наступление на село Гремячее. 9 декабря она после жесткого боя овладела им. 1103-й полк дивизии в этой схватке понес большие потери. Погибли многие бойцы и командиры, был убит командир полка майор И.М. Талубьев, тяжело ранен политрук П.А. Шаршанов, находящийся со своей ротой на одной из безымянных высот под Гремячим. Очнулся Павел лишь в санитарном поезде, увозившем его на восток. Раны пришлось залечивать два с половиной месяца в госпиталях. Ему удалось разыскать адрес матери, которая со старшей сестрой Екатериной и детьми жила в эвакуации в Пензенской области. Им он посылал свой денежный аттестат. 5 апреля 1942 года Павел вместе с маршевым пополнением отправился на транспорте из Новороссийска в легендарный Севастополь. Получил назначение в 54-й стрелковый полк 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал-майора Т.К. Коломнеца, которая занимала оборону севернее хутора Мекензия. В мае 1942 года 11-я немецкая армия генерал-полковника Э. Манштейна разгромила войска Крымского фронта на Керченском полуострове. 7 июня враг начал третий штурм Севастополя. В этих тяжелых боях и погиб политрук Павел Шаршанов. На братской могиле, где покоятся его останки памятник из гранита, на котором написано: «Воинам легендарной 25-й Чапаевской дивизии, павшим на Инкерманских высотах в июне 1942 года».

Василий

Писать о Василии без Ивана, как и об Иване без Василия, невозможно. Детьми они росли вместе. Подрастая, держались друг друга. После ухода отца из семьи они жили в Шестаково (ныне Кардымовский район) у родной тетки – Надежды Андреевны Бурновой. Там учились в школе, где Вася учился классом старше Вани. Летом вместе пасли скот на хуторах около Ярцева, рядом с железной дорогой. Однажды ребята увидели, как по пути шла новая жена отца, и гнали ее камнями до самого Ярцева. В 1931 году Василий поехал учиться в Сычевское железнодорожное училище. Иван тоже был рядом (он досрочно окончил Духовщинскую среднюю школу и догнал брата по образованию). Небольшого роста, коренастый Василий отличался некоторой медлительностью и спокойствием, а главное врожденной аккуратностью и тягой к чистоте. Иван же был полной противоположностью. Шумный, а иногда и дерзкий, он был высокого роста, широкоплечий. Его личные вещи часто обнаруживались в самых неожиданных вещах. Разными у них были и литературные вкусы. Василий был равнодушен к толстым романам, и каждое новое художественное произведение встречал, как подарок. Иван же почитывал политическую литературу, в журналах любил публицистику, в чем был схож с Павлом. Он сам потихоньку писал, таясь от братьев и сестер. Был отличным рассказчиком, а стихи стал складывать еще мальчишкой.

Учились братья в железнодорожном училище два года, постигая профессии машинистов двигателей внутреннего сгорания. После его окончания поехали к старшей сестре Екатерине в город Бежицу Брянской области. Но работы там по их

специальности не оказалось. Поработав чернорабочими на стройке, братья подались в Москву, в Мостстройтрест. С 1934 по 1936 год они успели потрудиться в четырех местах. Сначала в Ельце строили железнодорожную магистраль «Москва – Донбасс», через год на станции Лиски. Затем мост через Вопь в Ярцеве. Из родного города этой же осенью Василий и Иван были призваны в армию. Им повезло: они попали в одну полковую школу (учебка для сержантов) в Минске, где жила Екатерина с семьей. Также они узнали, что после года службы можно получить рекомендации в военные училища. Через год, окончив полковую школу, Василий и Иван получили назначение в Киевский военный округ. Служить начали в 241-м стрелковом полку 80-й стрелковой дивизии в г. Бердичев. Где один был назначен старшиной роты, другой – командиром отделения. И хоть служили братья в одном городе, попали в разные подразделения. Отныне пути их разошлись, чтобы больше никогда не соприкоснуться. Осенью 1938 года, они в коротких письмах из Киева и Баку сообщили матери, братьям и сестрам, что стали курсантами военных пехотных училищ. Теперь уважаемый читатель, сосредоточимся на судьбе Василия.

Став курсантом Киевского пехотного училища, он вошел в группу для прохождения ускоренного курса. Писал домой редко и кратко, полностью занятый учебой. Осенью 1939 года, когда началась вторая мировая война, Василий с отличием окончил военное училище. Приказом наркома обороны №0450 от 23 октября ему было присвоено звание младшего лейтенанта. После короткого отпуска в Ярцеве, он был назначен командиром стрелкового взвода в местечко Бирча Западной Украины. Не успел оглянуться, как был переведен в 43-й стрелковый полк 96-й стрелковой дивизии. Это соединение перемещают на территорию Литвы, которая вскоре вошла в состав советского Союза. Как умный и знающий командир Василий назначается взводным в Рижское военное училище, а в декабре 1940 года становится взводным в 8-й школе младших авиационных специалистов в Каунасе. В конце апреля 1941 года он приезжает в отпуск в Ярцево. Вскоре прибывает из Калинина и Иван. Это была последняя встреча братьев Шаршановых (за исключением Михаила, который был на Дальнем Востоке) накануне большой беды, которая пришла 22 июня 1941г. Никто из них не мог предположить, что видит другого в последний раз. Для Василия отпуск был особенно счастливым: он женился на молодой, красивой девушке Раисе. С началом войны Василий вместе с курсантами школы отходит на восток. В одном из боев получает ранение в голову, но приказ прибыть с личным составом школы в г. Вольск Саратовской области выполняет. В сентябре 1942 года, в разгар Сталинградской битвы, его направляют в действующую армию. Перед этим ему удалось в последний раз заехать к матери и сестре в Пензенскую область. Воевать начал командиром роты 451-го стрелкового полка 64-й стрелковой дивизии 66-й армии генерал-майора А.С. Жадова (в дальнейшем Героя советского Союза генерала армии). Войска армии сражались севернее Сталинграда, контрударами отвлекая силы гитлеровцев от штурма города. 23 ноября 1942 года, когда советские

войска взяли в кольцо 6-ю немецкую армию генерал-полковника Ф. Паулюса, до полной победы на Волге было еще далеко. 25 ноября младший лейтенант В.А. Шаршанов погиб при штурме высот севернее села Орловка, которое освободили лишь через два месяца. Ныне в центре села находится братская могила, в которой захоронено 1909 воинов павших в боях с немецко - фашистскими захватчиками. Среди них и Василий.

Иван

После окончания ускоренного курса Бакинского пехотного училища осенью 1939 года Иван Шаршанов принимает участие в финской войне. 15 декабря он был тяжело ранен и на эту войну больше не попал. После отпуска в Ярцеве в мае 1941 года Иван получает назначение командиром взвода 7-й воздушно-десантной бригады 4-го воздушно-десантного корпуса, который дислоцировался в Белоруссии. С июля 1941 года корпус участвует в тяжелых оборонительных боях с танковой группой Г. Гудерина, как пехотное соединение. Под Кричевом Иван был тяжело ранен и три с лишним месяца провел в госпитале в Чкалове (ныне Оренбург). После выздоровления его направляют командиром роты в 58-ю стрелковую бригаду 26-й резервной армии. Войскам этой армии, которая в декабре 1941 года переименовывается во 2-ю ударную, командование ставит очень важную задачу по деблокированию Ленинграда. Наступление началось 7 января 1942 года и в самом начале развевалось успешно. Но враг подтянул резервы, и в марте ему удалось перерезать коммуникации армии у Мясного Бора. При прорыве из кольца окружения старший лейтенант И.А. Шаршанов получил сквозное пулевое ранение в грудь и множество мелких – в шею, руки и ноги. В полевом госпитале ему сделали операцию и эвакуировали в тыл. Лечился Иван почти год. После чего получил ограничения по военной службе и был направлен взводным в Московское военно-политическое училище. Но там продержался недолго и был зачислен в резерв 2-го отдельного офицерского полка. 22 ноября он демобилизуется из армии и едет к матери в г. Бежицу Брянской области. Ивана было не узнать – так он изменился после войны и ранений. Вместо широких крутых плеч торчали крупные кости. Грудь стала узкой и впалой. Даже ростом и то, казалось, он стал ниже. Мать все перемены в облике сына болезненно переживала, страдала от своего бессилия помочь ему. Ночами почти не спала, прислушиваясь к его тяжелому дыханию. Однажды она услышала, как Иван во сне громко звал Василия. Видя, как страдает мать, Иван покинул Бежицу. Но в гражданской жизни не мог найти применения своим силам, здоровье его оставляло желать лучшего. Ему приходилось часто лежать по больницам, да по госпиталям, но мысль о погибших братьях не давала покоя его сердцу. Для него стало огромным моральным ударом сознание того, что он не в состоянии расквитаться с гитлеровцами за их гибель. При всем этом, он долго в душе надеялся, что кто-нибудь из братьев, вопреки всем смертям, остался жив и найдет его. Иван пополнил горькую категорию обездоленных войной людей,

и стал метаться по городам и весям страны, подолгу нигде не задерживаясь, ища в этих переездах не то забвения от тоски, не то покоя, не то возможности уйти от самого себя, от того невыносимого, что разбередила в нем война. Побывал Иван и на родной Смоленщине. В письме родным 20 марта 1948 года он писал: « Был в Ярцеве, был в Шестакове о, конечно, ничего хорошего, кроме плохого, не видел. Местность стала неузнаваема, народ обнищал... В Ярцеве был вербовщик из Калининграда, куда я и уехал». Там он работал на рыбзаводе. Смена климата повлияла на здоровье: открылись и воспалились раны. К врачам он уже не обращался: В общежитии пока все спали, сам делал себе перевязки. 13 сентября 1949 года Иван Шаршанов скоропостижно скончался. Натруженное сердце, больные нервы и незаживающие раны добились последнего из братьев Шаршановых спустя четыре года после войны. Где в Калининграде находится его могила неизвестно.

Михаил

После окончания семилетней школы в Бежице, он вернулся в Ярцево к семье, где стал работать избачом в пригородном селе. Михаил сочинял стихи, играл на баяне и вообще был самым общительным среди братьев. Другой его особенностью была страстная любовь к лесу (наверное, оставшаяся с детства). Книги путешественника Владимира Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» потрясли его воображение и помогли сделать окончательный выбор в жизни. В 1939 году он, окончив рабфак, уехал работать геологом на Дальний Восток. Весть о начале войны застала Михаила в Якутии, где он искал золото для страны. Он подал заявление в военкомат, но призвали его лишь в сентябре 1942 года. И направили на учебу во 2-ое Харьковское танковое училище, эвакуированное к тому времени в Самарканд. В январе 1943 года до Михаила дошла страшная весть о гибели братьев Василия и Петра под Сталинградом (о судьбе Павла было еще не известно). Отныне целью его жизни стала месть за братьев. Готовился он к ней основательно: прилежно штудировал те предметы, знание которых пригодились бы ему на фронте. И месть эта воспринималась им борьбой не на жизнь, а на смерть. В стихотворении «На память» посвященном любимой девушке Нине (она стала его женой перед отъездом на фронт), он писал:

... Ну, а я, быть может, жив не буду.

Вдалеке за Родину умру,

Но и там ваш образ не забуду,

Пред смертью «Нина» прошепчу.

Я останусь там, на поле брани,

Вы поплачьте раз хоть обо мне,

Мне не будет траурной герани,

И венца из роз не будет мне.

Экзамены в сентябре 1944 года он сдал одним из лучших, на предложение остаться в училище ответил решительным отказом. После практики на танкоремонтном заводе в Горьком в декабре он отбыл в действующую армию. Младший лейтенант Михаил Шаршанов службу начал командиром СУ-76 (самоходной артиллерийской установки) в 952-м самоходно-артиллерийском Таллинском краснознаменном полку полковника С.А. Чеснокова. 12 января 1945 года войска 1-го Украинского фронта развернули наступление с Сандамирского плацдарма на Висле. Полк самоходок действовал в составе 80-й стрелковой дивизии 59-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова. 16 января три СУ-76 с десантом среди них и машина Михаила вели разведку. В пути они встретились с немецкими штурмовыми орудиями и приняли неравный бой, в котором М.А. Шаршанов погиб вместе с экипажем. 1 февраля он посмертно за доблесть и мужество был награжден орденом Отечественной войны 2-ой степени (его передали на память матери). Михаил Шаршанов похоронен на воинском кладбище в польском городе Олькуш Катовицкой области.

Петр

После окончания семилетней школы младший из Шаршановых поступил в фабрично-заводское училище при Ярцевской текстильной фабрике имени В.М. Молотова. Особых способностей у Петра не обнаруживалось, за исключением прекрасного голоса и абсолютного слуха. Но он активно участвовал в общественной жизни, состоял членом многих добровольных обществ: «Осоавиахима», «Готов к ПВХО», «Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР», «Готов к труду и обороне», спортивного добровольного общества «Красное Знамя» при профсоюзе хлопчатобумажников Ярцевской фабрики. Подал документы на поступление в летное военное училище. 26 мая 1941 года получил вызов. Но нелепость, едва не переросшая в трагедию, перечеркнула все планы. Из-за мелкой ссоры с разбитым стеклом на танцах, Петра арестовала милиция. Он был увезен в Смоленск, но его быстро отпустили. Похудевший и побледневший он вернулся домой и даже хвастался, что попал к политическим, где было много ярцевских. Павел оборвал его: «Дурачок! Помалкивай, а то и в самом деле попадешь туда». Сказал и как в воду глянул: не прошло десяти дней, как пришел милиционер и увел Петра. Дело переквалифицировали, и юноша снова был отправлен в Смоленск. Павел объяснял матери сложившуюся ситуацию тем, что все это было сделано ему в отместку, якобы тот, кто имел власть в данном деле, был зол на Павла за правду (он ведь был одним из руководителей города). Павел написал немало писем в различные инстанции, доказывая невиновность брата, но ответ получить не успел, началась война. Результатом явилось освобождение Петра. Дома его так и не увидели. В числе нескольких ярцевчан и смолян он был

направлен на строительство оборонительных сооружений в Белоруссию. Испытание характера Петра на прочность продолжалось. С лопатой в руках, пешком, под грохот бомб, он прошел путь от Минска до Москвы. Впервые в жизни оказавшись без семьи в экстремальной обстановке, он не растерялся и до призыва в армию, чтоб прокормить себя и одеться, пошел работать. Пять месяцев Петр трудился на одном из предприятий в Тамбове и в декабре 1941 года был призван в армию. Его направили на учебу в Благовещенское военно-пехотное училище. Накануне Первомайских праздников 1942 года он писал матери и сестре в Пензенскую область: «Я вспоминаю прошлый год, когда были там, в Ярцеве. Все вместе мы справили этот день, видимо, в последний раз. Больше нам не придется быть вместе. Хотя и придется только не скоро: когда все утихнет, и мы заживем все по мирному. Но, видимо, многих из наших мы не досчитаемся». В своем последнем письме от 5 июня 1942 г. он просил сестру: «Катя, я вас прошу, как можно вообще меньше думать о Михаиле и Иване и успокаивать мать: ничего не поделаешь, война уже столько принесла жертв и принесет еще больше...». Тогда все его братья были еще живы, хотя и хватили лиха. Петр как бы предугадывает свою и их печальную судьбу. После окончания ускоренного курса училища он в звании младшего лейтенанта выехал под Сталинград. Назначение П.А. Шаршанов получил командиром взвода отдельного учебного батальона 40-й гвардейской стрелковой дивизии. Как новичку, Петру много рассказывали о сложившихся в дивизии традициях! «Биться до последнего патрона», «Гвардеец и один в поле воин», «Ни шагу назад!». В это время под Сталинградом уже начался перелом: в окружении оказалась большая немецкая группировка войск. Дивизию, где воевал Петр, в начале декабря 1942 года направили на укрепление внешнего фронта окружения гитлеровцев. 9 декабря при штурме высоты у хутора Фролова гвардии младший лейтенант Петр Шаршанов погиб смертью храбрых. Похоронен он в братской могиле в трех километрах от хутора в степи. Вместе с ним в донской земле лежат 125 бойцов его дивизии, а также около 200 неизвестных солдат и офицеров.

P.S. Для тех, кто хочет подробнее узнать о трагической судьбе семьи Шаршановых, обратитесь к следующей книге: Кизимова Е.А, Кизимова С.П. Шаршаны. – Брянск: издательство БГУ, 2003.